

послѣ капикулъ въ училище по къ 1-му числу августа мѣсяца сего года, а къ 10-му числу того-же мѣсяца, ко времени молебна, обыкновенно бываемаго предъ началомъ учебныхъ занятій; ученики-же, коимъ назначена переэкзаменовка, должны явиться въ училище непременно къ 1-му числу августа мѣсяца сего года. О чемъ Правленіе училища, на основаніи того-же журнальнаго постановленія своего, честь имѣетъ извѣститъ родителей и опекуновъ дѣтей, обучающихся въ Астраханскомъ духовномъ училищѣ.

Помощникъ смотрителя Астраханскаго духовнаго училища, кандидатъ богословія, Никаноръ *Одмицовъ* уволенъ въ отпускъ въ западные города Российской Имперіи по 1-е августа сего 1879 года (съ 19 іюня). Учитель училища, коллежскій ассесоръ Михаилъ *Дубровский* съ 20 іюня вступилъ въ исполненіе должности помощника смотрителя.

Отъ Совѣта Астраханскаго епархіальнаго женскаго училища.

Совѣтъ училища снѣмъ объявляетъ, что съ будущаго 1879/80 учебнаго года имѣетъ быть пріемъ дѣвицъ, какъ въ первый, такъ и въ другіе классы училища по экзамену, который имѣетъ начаться съ 1-го августа. Лица, желающія опредѣлить своихъ дочерей въ училище, должны представить въ Совѣтъ училища прошенія съ надлежащими документами не позже послѣднихъ чиселъ іюля.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СЛАВЯНО-РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ И ПРАВОСЛАВІЕ.

(Продолженіе) (*).

Вѣчная, міровая задача исторической жизни народовъ и человѣчества, состоитъ въ осуществленіи нравственнаго закона, и основная идея міровой исторіи человѣчества состоитъ въ реализаціи нравственнаго закона. Не накопленіе познаній ума, а накопленіе нравственнаго добра служитъ источникомъ, залогомъ и жизненною силой истиннаго человѣческаго прогресса. Посмотрите на нынѣшнихъ французовъ—съ ихъ коммуною, на нынѣшнихъ германцевъ—съ ихъ социализмомъ, на англичанъ—съ ихъ меркантильными тенденціями и

(*). См. Астрах. Епарх. Вѣдом. №№ 1, 2, 19, 23 и 24. 1879 г.

вы увидите, что нравственные стремления и побуждения, значеніе ихъ участія въ познаниі и мышленіи, — высоко-созерцательныя стремленія ума — этого ока души въ отношеніи къ міру духовному, остались для силлогистической дѣятельности западнаго мышленія областью незнакомою и необъяснимою. Съ постепеннымъ исключительнымъ и, по своей исключительности, быстрымъ развитіемъ западнаго міросозерцанія, ложныя отношенія разума къ вѣрѣ (на Западѣ) окончательно измѣнились не къ пользѣ вѣры. — Когда вѣра насильственно стала подѣ режимъ разума (понимаемаго впрочемъ въ узкомъ смыслѣ разсудка), послѣдній естественно свысока смотритъ на первую и уже рѣшительно не ищетъ никакихъ ограниченій для своей дѣятельности. Вѣра стала для него суммою такихъ понятій, которыя слѣдуетъ ему развитъ, разъяснить и доказать путемъ умозрѣнія. А возмечтавъ объ этомъ, онъ нашелъ, что въ Божественномъ откровеніи нѣтъ никакихъ понятій, нѣтъ никакихъ знаній, которыхъ-бы онъ, человѣческій разумъ, неотыскалъ самъ въ своемъ собственномъ мышленіи. Развиваясь такимъ образомъ, разумъ въ своемъ прогрессивномъ дерзновеніи — дошелъ до той самоувѣренности, что Божеская помощь и Божественное откровеніе ему совсѣмъ не нужны, что самъ-собою, изъ внутреннихъ законовъ, однимъ мышленіемъ, онъ можетъ объявить законы бытія, преподавать человѣку руководственные для жизни правила и создать счастье и блаженство здѣсь на землѣ. И такая рационалистическая дѣятельность Запада относится отрицательно не къ одной вѣрѣ. Проникая своимъ способомъ познания въ области бытія и мысли, гордое, богохульное философствованіе Запада подтачиваетъ всѣ нравственныя и умственныя основы, уцѣлѣвшія еще доселѣ, подрываетъ уваженіе къ авторитетамъ, освященнымъ древностію и исторіей, — своимъ безжалостнымъ анализомъ ослабляетъ всѣ непосредственныя выраженія нашихъ радостей, симпатій, и благородныхъ увлеченій, свѣтлыхъ надеждъ и чистыхъ порывовъ. Но этому-то сухая, безжизненная рационалистическая, но неразумная дѣятельность обнаруживается въ жизни Европейскихъ народовъ особенно — гибельнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что, разрушая душевную стройность силъ, расслабляетъ, разстѣваетъ нравственную жизнь. Между тѣмъ, взявши разрушаемаго, она не даетъ имъ ни нравственныхъ, ни умственныхъ, ни тѣмъ болѣе — религіозныхъ началъ, потому-что рѣшительно не чувствуетъ въ себѣ создающей силы, по силѣ своего безпокойнаго, ничѣмъ не удовлетворяющаго анализа, она ни на чемъ не можетъ остановиться, ничего не можетъ считать прочнымъ; что вчера создала, то

нынѣ бросаетъ, какъ недостаточное, неудовлетворительное. Нельзя сказать, конечно, чтобы такая дѣятельность разсудка европейскаго человѣка ничего не сдѣлала для жизни. Она сдѣлала для нея весьма много, но, къ сожалѣнію, *только въ матеріальномъ отношеніи*. Какъ ни странно, какъ ни далекимъ кажется намъ этотъ переходъ отъ односторонней и необыкновенно отвлеченной дѣятельности разсудка къ матеріальности, тѣмъ не менѣе онъ совершился самымъ послѣдовательнымъ образомъ. Именно: самоувѣренность разсудочная перешла въ самоувѣренность нравственную. Чѣмъ дерзновеннѣе становился человѣкъ въ своемъ мышленіи, тѣмъ замкнутѣе самозаклоченнѣе становился онъ въ своей жизни. Чѣмъ выше возносилась его мысль, тѣмъ сильнѣе было въ немъ сознаніе своихъ правъ, своихъ достоинствъ, своей независимости, своей свободы... Такъ, по нашему крайнему разумѣнію, образовалась гордая, эгоистическая современная личность западнаго человѣка! Чѣмъ же стала жизнь, какими интересами стала питаться эта бездушная личность? Когда подкованы были все основы нравственной и созерцательной жизни, когда разрушены были все непосредственныя выраженія сердца, — когда къ вѣшнему дѣйствительному міру она стала относиться съ отвлеченнымъ холоднымъ разсужденіемъ, и когда, наконецъ, самая дѣйствительность стала являться развитіемъ неизбѣжныхъ, равнодушныхъ и отвлеченныхъ законовъ, — тогда безъ сомнѣнія, она должна была обратиться къ самой себѣ и къ той сторонѣ своего существа, къ которой человѣкъ не могъ оставаться на равнодушнымъ, ни не внимательнымъ, именно, къ физической природѣ своей, къ своей вѣшней жизни. Европейецъ усердно сталъ любить комфортъ, чрезмерно дорожить удобствами жизни, цѣнить только спокойную и пріятную, въ свѣтскомъ смыслѣ слова, жизнь; нравственно-добрыя дѣла, соединенныя съ пожертвованіемъ, съ лишеніями въ жизни, съ самоотверженіемъ, сдѣлались для него, строго говоря, непослѣдовательностію; напротивъ, онъ готовъ всему сочувствовать, все любить, ко всему стремиться, но подѣ условіемъ только, чтобы физическая личность его ни отъ чего не страдала и не беспокоилась. Вслѣдствіе этого, будучи равнодушенъ къ духовнымъ интересамъ, западный человѣкъ со всею энергіею началъ заботиться о средствахъ жизни, весь обратился исключительно къ добыванію житейскихъ удобствъ и комфорта, — короче сказать, онъ сдѣлался промышленникомъ. Въ промышленности онъ ставитъ теперь все существенныя свои интересы. „Промышленность управляетъ міромъ безъ вѣры и поэзіи. Она въ наше время соединяетъ и

раздѣляетъ людей; она опредѣляетъ отечество, она обозначаетъ сословія, она лежитъ въ основаніи государственныхъ устройствъ, она движетъ народами, она объявляетъ войну, заключаетъ миръ, измѣняетъ права, даетъ паставленіе наукамъ, характеръ образованности; ей поклоняются, ей строятъ храмы, она дѣйствительное божество, въ которое вѣрятъ не лицемѣрно и которому повинуются. Безкорыстная дѣятельность едѣлалась невѣроятною, она принимаетъ такое-же значеніе въ мірѣ современномъ, какое во времена Сервантеса получила дѣятельность рыцарская“ (*).

Что промышленность есть одно изъ существеннѣйшихъ условий внѣшняго благосостоянія каждаго государства, — съ этимъ все согласны: по странно, что, по мѣрѣ возвышенія оной, все ниже и ниже падаетъ нравственность обитателей той или другой страны, такъ-что въ этомъ случаѣ какъ нельзя вѣрнѣе оправдываются слова апостольскія, взятія обратно: „На сколько внѣшній человѣкъ обновляется, на столько внутренній тлѣетъ и разрушается“. Нельзя даже сказать, чтобъ и государство выигрывало отъ громаднаго развитія промышленности въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ нынѣ въ промышленныхъ центрахъ Европы.

Извѣстно, что однимъ изъ главныхъ условий государственнаго благоустройства есть процвѣтаніе жизни семейной, въ предѣлахъ, указанныхъ Самимъ Богомъ и узаконенныхъ общечеловѣческими постановленіями. По мѣрѣ того, какъ распространяется безбрачная жизнь или ослабляются супружескія узы, — ослабѣваетъ и государство, хоть оно, подобно думлестому дереву, и зеленѣетъ снаружи, — но сердцевина его высыхаетъ, гниетъ и крошится. Замѣчено, что паденію государствъ всегда предшествовалъ нравственный развратъ, губительно дѣйствовавшій на отношенія мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ, и выразившійся несоразмѣрнымъ увеличеніемъ числа незаконнорожденныхъ. Въ то же время съ необыкновенною силою развивалась роскошь, естественный результатъ ненормальныхъ отношеній мужчины къ женщиной, — и послушною рабою этой роскоши являлась промышленность, не пренебрегавшая ни чѣмъ, для достиженія своихъ цѣлей. Требованіе рабочихъ рукъ не могло быть удовлетворяемо однимъ мужскимъ поломъ; на подмогу ему попадобился и женскій, а съ этимъ выѣтъ развился развратъ, какъ слѣдствіе отдаленія отъ домашнего очага и священнѣйшихъ обязанностей семейныхъ. Статистика промыш-

(*) Мв. В. Кирѣевск. Том. II, стр. 306.

ленныхъ государствъ Европы доказываетъ это неопровержимымъ образомъ. Такъ, въ Мюльгаузенѣ, большая часть рабочихъ живетъ въ конкубинатствѣ; число незаконныхъ рожденій возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Въ Лиопѣ на 40,000 законныхъ рожденій приходится около 20,000 незаконныхъ; въ Майнцѣ 1 незаконное рожденіе приходится на 2 на 3 законныхъ; въ Парижѣ почти тотъ-же процентъ; не много лучшее отношеніе существуетъ въ Лиллѣ, Данцигѣ, Антверпенѣ, Тулузѣ и Аміанѣ; въ Грацѣ-же, Клагенфуртѣ и Мюнхенѣ число незаконныхъ рожденій почти вдвое превышаетъ число законныхъ. Наименьшее число незаконныхъ рожденій случается въ Испаніи, Румыніи, Сербіи, Италіи, Греціи и Россіи, то есть, въ странахъ, гдѣ промышленность развита меньше. Уменьшеніе браковъ находится въ прямомъ отношеніи съ развитіемъ промышленности. Вотъ что говоритъ г-жа Добье въ своемъ сочиненіи *La femme pauvre au XIX siècle*: „обольщеніе и конкубинатство, столь выгодныя для людей, чуждыхъ всякихъ нравственныхъ принциповъ, значительно уменьшили во Франціи число законныхъ браковъ, которые совершаются теперь несравненно рѣже, чѣмъ до 1789 года. Если мы возьмемъ самую испорченную эпоху старой монархіи, конецъ XVIII столѣтія, то даже и тогда найдемъ, что числo браковъ уменьшилось почти на одну треть. Особенно чувствительно стало это уменьшеніе послѣ 1830 года, когда, *благодаря развитію современной системы промышленности*, господствующая безнравственность стала приносить свои плоды“ (*).

(Продолженіе будетъ).

Свящ. Константинъ Добросердовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Съ 1 іюля 1879 года будетъ выходить
новая дешевая безцензурная, ежедневная газета

„РУССКІЙ БУРЬЕРЪ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ.

газета будетъ выходить ежедневно въ форматѣ нашихъ „большихъ“ газетъ,
въ шесть столбцовъ плотнаго, убористаго, по четкаго шрифта.

(*) С.-Петербург. Вѣдом. 1866 г. № 270.